

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Политические науки

Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегionalными акторами

Нелли Арташесовна Минасян✉

Институт арменоведческих исследований ЕГУ, Ереван, Армения
n.minasyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>

Аннотация. В статье рассматриваются инструменты реализации политики пантюркизма и позиции региональных и внерегionalных игроков. В основе выявленных инструментов лежат основные принципы идеологии пантюркизма. С одной стороны, автор показывает эту связь, с другой – анализирует роль этих инструментов в контексте внешней политики Турции. Оценивается деятельность этих инструментов в политике тюркоязычных стран, в частности, анализируются программы и возможности Организации тюркских государств и «тюркской интеграции». Автор определяет позицию региональных и внерегionalных акторов по отношению к интеграционным программам Турции, а также выявляет специфику политики этих акторов. Аргументация статьи заключается в том, что ряд структур и организаций, созданных Турцией после распада СССР, такие как Международная тюркская академия, школы, университеты, Институты Юнус Эмре, ТИКА, TÜRKSOY, OTG, являются инструментами реализации пантюркизма или «тюркской интеграции», и главная цель – добиться создания политической единицы на этнолингвистической основе.

© Минасян Н.А., 2025

© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2025

Статья подготовлена в рамках Программы международной академической мобильности НИИРК. Автор благодарит Комлеву Валентину Вячеславовну, Александра Дмитриевича Васильева и Елену Алексеевну Кузьменко за полезные советы и консультации.

Ключевые слова: тюркоязычные страны, «мягкая сила», пантюркизм, тюркская интеграция, ОТГ, ТИКА, TÜRKSOY

Для цитирования: Минасян Н.А. Инструменты реализации пантюркизма в современной турецкой внешней политике и их восприятие основными региональными и внерегиональными акторами // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1(15). С. 57-81, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Implementation Instruments of Pan-Turkism in Modern Turkish Foreign Policy and their Perception by Key Regional and Extra-regional Actors

Nelli A. Minasyan ✉

Institute for Armenian Studies YSU, Yerevan, Armenia

n.minasyan@ysu.am, <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>

Abstract: This article examines the instruments for implementing the pan-Turkism policy and the positions of regional and extra-regional actors. The fundamental principles of the ideology of pan-Turkism laid at the basis of the created instruments. On the one hand, the author shows this connection and on the other hand, she analyzes the role of these instruments in the context of Turkey's foreign policy. The activities of these instruments in Turkic-speaking countries are assessed particular the programs and possibilities of the Organization of Turkic States and "Turkic integration". The author analyzes the position of regional and extra-regional actors in relation to Turkey's integration projects, as well as the specifics of these actors' policies. The argument of the article is that a number of structures and organizations created by Turkey after the collapse of the USSR, such as the International Turkic Academy, schools, universities, Yunus Emre Institutes, TIKA, TURKSOY, OTS, are the instruments for the implementation of pan-Turkism or "Turkic integration", and their main goal is to achieve the creation of a political unit on an ethnolinguistic identity.

The article was prepared within the framework of the International Academic Mobility Program of the National Research Institute for Communications Development. The author would like to thank Valentina V.Komleva, Alexander D.Vasiliev and Elena A.Kuzmenko for their useful advices and consultations.

Keywords: Turkic-speaking countries, "soft power", pan-Turkism, Turkic integration, OTS, TIKA, TURKSOY

For citation: Minasyan N.A. Implementation Instruments of Pan-Turkism in Modern Turkish Foreign Policy and their Perception by Key Regional and Extra-regional Actors. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025. № 1(15). С. 57-81, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-57-81](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-57-81)

Введение

Идеология пантюркизма сформировалась в последние тридцать лет XIX в. в царской России, а затем получила распространение в Османской империи. Формирование концепции пантюркизма связано с именами двух известных мыслителей того времени – Юсуфа Акчуры и Зии Гекальпа. Крымский татарин Исмаил Гаспринский первым на страницах издаваемой им газеты «Терджуман» заговорил об объединении тюркоязычного населения на территории царской России, сохранении их культуры и языка. Идеи пантюркизма были разработаны и представлены как политическая доктрина Юсуфом Акчурой. В своей знаменитой брошюре «Три вида политики» он обращается к проблеме сохранения Османской империи и рассматривает ее в рамках трех знаменитых доктрин: османизма, панисламизма и пантюркизма [9]. Автор считает идеологию пантюркизма наиболее эффективной и под ней представляет объединение тюркоязычных народов, отводя важное место Османской империи.

Дальнейшую разработку теоретических основ концепции пантюркизма осуществил Зия Гекальп. В своем известном труде «Основы тюркизма» он много места уделяет этнокультурным вопросам, пытаясь разграничить понятия «османская» и «турецкая» [21]. Он также упоминает об объединении тюркоязычных народов и общей родине – мифическом Туране. Идеи пантюркизма Гекальпа получили широкую популярность в Османской империи, особенно в годы правления младотурок. Мустафа Кемаль также обратил внимание на тюркизм и националистические идеи Гекальпа в рамках своих реформ.

Идеи пантюркизма были восприняты политической элитой младотурок и стали частью государственной политики, особенно в годы Первой мировой войны. В первые два десятилетия существования Турецкой Республики идеи пантюркизма были отодвинуты на второй план. С одной стороны, это было связано с установлением советской власти в Закавказье и Центральной Азии, а с другой – с принятием западного курса. По мнению известного исследователя Якова Ландау, в 1920–1930-е гг. идеи пантюркизма не исчезли, а продолжали подспудно существовать [22]. Идеи пантюркизма начали открыто распространяться во время Второй мировой войны, главным образом через прессу и литературу. В 1960-е гг. активизировалась идеология пантюркизма, связанная с деятельностью Алпарслана Тюркеша. Последний заложил основу партии «Националистическое движение», тем самым институционализировав концепцию пантюркизма в политической системе Турции.

Распад СССР дал Турции возможность установить прямые контакты с тюркоязычными странами и разработать механизмы сотрудничества. Пантюркские идеи вновь поднялись и были озвучены политической элитой того времени. Президент Тургут Озал и премьер-министр Сулейман Демирель начали говорить о «тюркском мире» и заложили основы многоотраслевого сотрудничества с тюркоязычными странами. В начале 1990-х гг. пантюркистские идеи имели эмоциональный характер, однако позже турецкое руководство переформулировало свой подход, сделав упор на институционализацию сложившихся структур. В первый период своего правления

партия «Справедливость и развитие» (ПСР) сосредоточила основное внимание на процессе европейской интеграции, однако укрепление отношений с тюркоязычными странами оставалось в числе внешнеполитических приоритетов. Во второй период правления ПСР в сфере внешней политики наблюдались важные изменения, в основе которых лежали принципы концепции А.Давутоглу «Стратегическая глубина» [15]. С 2015 г. ПСР сформировала коалицию с пантюркистской партией «Националистическое движение». После событий 2015–2016 гг. он стал уделять больше внимания мусульманскому миру и тюркскому миру. Одна из целей Эрдогана – превратить Турцию в региональную и даже глобальную державу, несмотря на ограниченность ее ресурсов. В таких условиях руководство Турции стало уделять больше места интеграции тюркоязычных стран, ведь Турция может претендовать на статус мировой державы только в случае объединения тюркского мира под ее эгидой. В этом смысле географические карты являются частью турецкой пропаганды. Например, лидер партии националистического движения Девлет Бахчели не раз дарил Эрдогану карту «Турана», в состав которого входят тюркоязычные государства и автономные субъекты РФ¹. Фактически идеи пантюркизма и различные его интерпретации продолжают оставаться актуальными для политической элиты Турции.

Цели исследования: 1) рассмотреть основные инструменты внешней политики Турции в тюркоязычных странах и их связь с идеологией пантюркизма, 2) показать отношение региональных и нерегionalных игроков (Россия, Запад, Южный Кавказ, Центральная Азия, Иран, Китай) к идеологии пантюркизма и этим структурам.

Актуальность исследования определяется внешней политикой Турции в контексте современных геополитических событий, в частности, ее действиями в направлении «тюркской интеграции». В таких условиях в основу «тюркской интеграции» был положен ряд принципиальных аспектов идеологии пантюркизма, что вызвало определенный интерес у региональных и внерегиональных игроков.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили уставы, годовые отчеты и документы стратегического планирования ТИКА и TÜRKSOY, документы Организации тюркских государств (ОТГ), в частности стратегический документ «Видение-2040» и подписанные соглашения между Турцией и тюркоязычными государствами. Теоретическая основа исследования основана на работах Юсуфа Акчуры и Зии Гекальпа [9; 10; 20]. Использовались работы Х.Фидана, Р.Нурдун, Г.Озкана, М.Т.Демиръепе, М.Челика, К.Чинара, А.В.Аваткова, И.А.Алиева, А.Б.Бурашниковой, В.Надеина-Раевского и др. [1–3; 7; 14; 21; 25]

В исследовании использовались общенаучные методы, а также методы ретроспективного анализа и ивент-анализа.

¹ Эрдогану подарили карту «тюркского мира» с российской территорией // РИА Новости. 21 ноября 2021. URL: <https://ria.ru/20211117/erdogan-1759551187.html>

Результаты исследования

Теоретики пантюркизма сформулировали основные положения этой доктрины, однако у них не было возможности реализовать и институционализировать их на практике. Исмаил Гаспринский первым заговорил о культурном и возможном политическом объединении тюрко-татарской нации с включением тюрков Османской империи и Российской империи [10, с. 66-67]. По мнению Гаспринского, в конце XIX в. тюркское население оценивалось в 50 млн человек, включая казахов, кыргызов, узбеков, татар, якутов, ногайцев, крымчан, уйгуров, азербайджанцев, османов, и он отмечает: «...Объединим языки, пусть другие подумают о политическом единстве» [29, р. 41]. Для Гаспринского был важен общий язык, который должен был стать основой политического объединения. В этом контексте важное место он отводил образованию.

Наряду с подчеркиванием роли языка Юсуф Акчура большое место отводит истории, в том числе тюркологическим исследованиям, и особенно расе, в данном случае он имеет в виду этническую принадлежность. Последнюю считает главной основой тюркского единства. Для Зии Гекальпа язык и культура считаются важными основами объединения тюрков [29, р. 62–73, 77–78]. И для Акчуры, и для Гекальпа конечной целью является политическое объединение тюркских народов. Гекальп представляет это идеями «Турана» и «туранизма» (Turanlık). Можно сделать вывод, что теоретики пантюркизма делали акцент на языке, культуре, истории и этнической принадлежности для объединения тюркоязычных народов. Это фундаментальные принципы, на основе которых Турция начала формировать инструменты политики пантюркизма после распада СССР (таблица 1).

Таблица 1. Инструменты политики пантюркизма Турции
Table 1. Instruments of pan-Turkism policy of Turkey

Принципы пантюркизма	Структуры / инструменты, созданные Турцией
Общий язык, образование	Международная тюркская академия, школы, университеты, Институты Юнус Эмре, ТИКА
Общая культура	TÜRKSOY, ТИКА
Тюркское единство или общая политическая единица	ОТГ

Этническое единство

По тюркскому этносу

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

Таблица 2. Отношение региональных и нерегиональных государств к пантюркизму**Table 2.** The attitude of regional and non-regional states towards pan-Turkism

Государства, чьи интересы совпадают в вопросах безопасности	Государства, которые считают это стратегическим ресурсом	Государства, политика которых неоднозначна
Россия, Армения, Грузия, Иран, Китай, Таджикистан	Европейский союз, США	Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Азербайджан

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

В исследовании возникает необходимость обратиться к восприятиям понятия «пантюркизм». Понятие «пантюркизм» в основном использовалось в конце XIX в. – начале XX в. В 1990-е гг. стала развиваться концепция «неопантюркизма», предполагавшая новую интерпретацию идей пантюркизма в соответствии с создавшимися геополитическими условиями. В последующие десятилетия политика Турции в этом направлении претерпела трансформации. Наблюдая действия Турции в контексте современных мировых процессов, ее политику можно охарактеризовать как интеграционную, миссией которой является формирование общего этнолингвистического пространства или единицы. В этом контексте целью структур, созданных Турцией, является достижение интеграции в языковой, образовательной, культурной, экономической и других областях под эгидой Организации тюркских государств. Иными словами, конечной целью такой политики является создание политической единицы, что также является основой концепции пантюркизма.

Региональные и нерегиональные государства следят за реализацией концепции пантюркизма, его различными интерпретациями и политикой Турции в этом отношении. Россию, Иран, Китай, Армению и Грузию, а также Запад на Южном Кавказе интересуют как идеология, так и действия, предпринимаемые в этом направлении. Центральная Азия, особенно отношения четырех тюркоязычных государств, является отдельным вопросом. С одной стороны, они являются основным объектом политики Турции, и эти государства являются членами или наблюдателями вышеупомянутых организаций; с другой стороны, они являются независимыми государствами и имеют свои собственные видения и стратегии развития.

Региональные и нерегиональные государства имеют разные взгляды на пантюркизм и программы «тюркской интеграции», реализуемые в настоящее время Турцией. Вызовы безопасности являются ключевыми, и на этой основе интересы России, Армении, Грузии, Ирана, Китая и Таджикистана совпадают. Для Запада это можно считать стратегическим вопросом, учитывая тот факт, что Турция является членом НАТО, и существует противостояние Запада с Россией, Ираном и Китаем. От-

ношение к Турции тюркоязычных стран Центральной Азии неоднозначное: с одной стороны, они сотрудничают с ней, особенно в рамках ОТГ, но с другой стороны, они воздерживаются от серьезных шагов в направлении политической интеграции (таблица 2).

Пантюркизм во внешней политике Турецкой Республики на современном этапе. Иерархия целей и задач. Инструменты влияния

После распада СССР Турция взяла курс на установление влияния на постсоветском пространстве. В качестве идеологии она стала применять пантюркизм, особо подчеркивая историческую, религиозную, языковую, этническую и культурную общность с тюркоязычными странами. Эти аспекты были положены в основу структур и организаций, созданных Турцией. Турция с 1990-х гг. смогла сформировать определенные инструменты распространения своего влияния и сумела добиться их определенной институционализации. Инструменты, ею созданные, имеют общую цель – добиться установления турецкого влияния, однако заметна определенная иерархия, когда основная роль отводилась ОТГ, а затем культурным, образовательным и другим структурам.

Организация тюркских государств как средство региональной политико-экономической интеграции

Первые шаги в направлении тюркской интеграции Турция сделала в начале 1990-х гг., организовав саммиты тюркоязычных стран. В ходе первого саммита (октябрь 1992 г.) президент Тургут Озал предложил сформировать общий экономический рынок, а также работать над углублением политического сотрудничества. Встречи тюркоязычных стран в таком формате продолжались до 2009 г., когда в ходе саммита, состоявшегося в Нахичеване, был создан Тюркский совет. На саммите, состоявшемся в Стамбуле в ноябре 2021 г., по инициативе президента Турции Р.Т.Эрдогана Тюркский совет был переименован в Организацию тюркских государств². Следует отметить, что на этот процесс повлияли результаты 44-дневной войны, когда Азербайджан добился победы при поддержке Турции. Это подняло репутацию Турции среди тюркоязычных стран, и она попыталась позиционировать себя как защитника интересов «тюркского мира». В ходе этого саммита был принят стратегический документ «Видение-2040», где были представлены основные цели организации и дорожная карта действий. В состав ОТГ вошли все структуры, созданные Турцией, кроме ТИКА.

«Видение-2040» представляет основы интеграции в экономической, образовательной, культурной, политической сферах и сфере безопасности³. Одной из основных

² Членами ОТГ являются Турция, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Азербайджан, а статус наблюдателя имеют Туркменистан, Венгрия и Турецкая Республика Северного Кипра.

³ Turkic World Vision – 2040. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

целей организации является достижение региональной политико-экономической интеграции, и на этой основе конечной целью является создание военно-политического альянса или союза. В основе такой интеграции лежит общетюркская идентичность, важным элементом которой является этническая общность [23, р. 25].

Турция начала развивать экономические отношения с тюркоязычными странами в 1990-е гг., однако в условиях экономических кризисов и при ограниченных ресурсах она не смогла добиться влияния, но обеспечила свое присутствие. Интеграция в экономической сфере предполагает мобилизацию экономического потенциала и возможностей тюркоязычных стран. С этой точки зрения важным шагом стало создание Тюркского инвестиционного фонда, соглашение относительно которого было подписано в рамках чрезвычайного саммита глав государств-членов ОТГ 16 марта 2023 г. По соглашению фонд будет выполнять следующие функции: финансирование проектов малых и средних предприятий, поддержка проектов развития в областях, представляющих взаимный интерес, включая промышленное производство, транспорт, сельское хозяйство, туризм и «зеленую» экономику, а также поддержка создания и модернизации физической и цифровой инфраструктуры⁴. Президент Турции Р.Т.Эрдоган заявил: «Уверен, что Тюркский инвестиционный фонд с центром в Стамбуле будет способствовать экономической интеграции тюркского мира»⁵. Фактически экономическая интеграция подразумевает не только укрепление двустороннего сотрудничества, но и формирование интегрированных систем, целью которых является создание единой экономической системы в тюркском мире.

Конечной целью как пантюркизма, так и «тюркской интеграции» является создание единой политической структуры. ОТГ создавалась как политическая структура, вокруг которой планируется процесс политического объединения. Структура ОТГ предусматривает общие тенденции политической интеграции⁶. Основным директивным органом организации является Совет глав государств. Следующим важным органом является Совет министров иностранных дел, который разрабатывает документы и планы действий. Одной из важных функций Совета следует считать выработку единого курса и позиций в области внешней политики. В структуре ОТГ Совет старейшин имеет статус консультационного органа. В состав совета войдут известные политики и государственные деятели тюркского мира, и они должны способствовать развитию организации своим опытом и советами. Деятельность организации координирует Секретариат, расположенный в Стамбуле.

Органы, созданные с целью укрепления связей между государственными структурами, были объединены в структуру ОТГ. В связи с этим следует выделить Парламентскую ассамблею тюркоязычных стран (Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi

⁴ Соглашение о создании Тюркского инвестиционного фонда (г. Анкара, 16 марта 2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32659418&pos=4;-106#pos=4;-106.

⁵ Что будет финансировать Тюркский инвестиционный фонд // TRT на русском, 6 июня 2023. URL: <https://www.trtrussian.com/magazine/chto-budet-finansirovat-tyurkskij-investicionnyj-fond-13513859>.

⁶ Principal organs of Organization of Turkic States. URL: <https://www.turkicstates.org/en/organizasyon-semasi>.

– TÜRKPA). Она входит в число международных парламентских институтов и является одним из механизмов турецкой парламентской дипломатии [18]. TÜRKPA является парламентским измерением для сотрудничества и интеграции тюркоязычных стран.

Одной из важных составляющих политической интеграции является обеспечение интеграционных процессов в сфере безопасности и военной сфере. По сути, главной целью Турции является достижение военно-политической интеграции. В этом плане в документе «Видение-2040», который формирует основу для дальнейшего сотрудничества, есть общие намеки. Это относится к формированию общих полицейских сил или аналогичных органов⁷.

Тюркское агентство сотрудничества и развития (ТІКА) как инструмент социально-гуманитарной помощи

Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı – TİKA) было создано первым для работы на постсоветском пространстве. TİKA основано в 1992 г. при Министерстве иностранных дел⁸. В 1990-е гг. TİKA сосредоточило свое внимание на укреплении отношений между Турцией и тюркоязычными странами. TİKA организовала различные программы, в том числе культурные, образовательные, обучающие и т.д. В этот период организация уделяла особое внимание программам обучения для сотрудников государственной и банковской систем [8, с. 186–187, 182–189].

28 мая 1999 г. решением Совета министров TİKA была передана Государственному департаменту по координации связей с тюркскими республиками и родственными народами, который, в свою очередь, был подчинен аппарату премьер-министра. В 2001 г. изменения произошли снова⁹, тогда же был создан Экономический координационный совет и, несмотря на экономические трудности, бюджет TİKA был сохранен [3, с. 68]. Переформулирование и активизация внешней политики Турции во время ПСР привели к изменению политики в отношении TİKA. ПСР стремилась к региональному, а затем и к глобальному лидерству. Турция позиционирует себя как «государство-донор», и TİKA начинает реализацию различных программ помощи в разных регионах [20]. Если в 1990-е гг. ее деятельность была сосредоточена в основном в тюркоязычных странах, то с начала 2000-х гг. она стала широко осуществлять деятельность на Балканах, в Африке и других местах, по сути, превратившись в один из важных механизмов внешней политики Турции. В настоящее время TİKA имеет офисы в 61 стране, где действуют 63 координационных офиса, и уже реализовала более 30 000 проектов [27, с. 14–15].

TİKA была реорганизована в 2011 г., и, по указу президента от 2018 г., организация осуществляет свою деятельность в структуре Министерства культуры и туризма, но имеет собственный отдельный бюджет и статус государственного юридического

⁷ Turkic World Vision – 2040. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

⁸ Kanun Hükmünde Kararname // Resmi Gazete, 27 Ocak 1992. URL: <https://resmigazete.gov.tr/arsiv/21124.pdf>.

⁹ YÖNETMELİKLER // Resmi Gazete, 12 Mayıs 2001. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2021/05/20210512.pdf>.

лица. В результате этих преобразований ТІКА реструктурируется для удовлетворения потребностей международного сообщества по оказанию помощи в целях развития. Бюджет ТІКА увеличивается, а также растут количество и направления реализуемых проектов [25, pp. 657–660]. В этом формате направление Центральной Азии и Кавказа продолжает оставаться основным, и ТІКА продолжает реализовывать образовательные, культурные и социальные проекты в этих регионах. Эти регионы считались приоритетными и в стратегическом плане ТІКА на 2024–2028 гг. [28, s. 16]. С другой стороны, ТІКА также является одним из наиболее важных инструментов политики «мягкой силы» Турции [11].

Фактически ТІКА является одной из фундаментальных структур для реализации политики Турции в тюркоязычных странах. С другой стороны, ТІКА руководствуется идеями пантюркизма, и ее действия направлены не только на укрепление позиций Турции, но и на формирование тюркской идентичности.

Культурное измерение пантюркизма: Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY) и ее деятельность

Одной из основ идеологии пантюркизма является культура и формирование общетюркской культуры. С начала 1990-х гг. Турция делала упор на культурную политику, и в 1993 г. министры культуры Турции, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана подписали соглашения о создании «Организации по совместному развитию тюркской культуры и искусства» (Türk Kültür ve Sanatları Ortak Yönetimi – TÜRKSOY)¹⁰. Выбранное имя символизирует общие этнические корни и подчеркивает единство на культурной основе. Статус наблюдателя в организации имеют субъекты Российской Федерации (Республики Алтай, Башкортостан, Хакасия, Якутия, Татарстан и Тыва). Позднее отношение российских властей изменилось из-за того, что в 2015 г. ВВС Турции был сбит российский самолет Су-24. Правительство России потребовало от упомянутых республик прекратить всякие отношения с TÜRKSOY. Однако на официальном сайте организации российские субъекты продолжают быть представлены в качестве членов-наблюдателей.

Хотя TÜRKSOY была создана по принципу общности интересов и равного участия стран-членов, однако Турция имеет доминирующее положение. Стратегия, планы и деятельность организации разрабатываются и координируются властями Турции и являются частью ее внешней политики. TÜRKSOY занимается вопросами культурной интеграции в структуре ОТГ.

В первое десятилетие своего существования TÜRKSOY преимущественно укрепила свои позиции в тюркоязычных странах. С этой точки зрения большое значение имела организация различных мероприятий, связанных с тюркской культурой. К таким мероприятиям привлекались представители тюркоязычных стран или реализовывались совместные проекты, например музыкальные и фотографические фестива-

¹⁰ В 2009 г. TÜRKSOY вошла в состав Тюркского совета и получила нынешнее название: Международная организация тюркской культуры (Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı).

ли, литературные конгрессы и т.п. [6, с. 615–616]. Одним из важных проектов TÜRKSOY является ежегодное избрание культурных столиц тюркского мира и организация там культурных мероприятий. TÜRKSOY сотрудничает с рядом международных организаций, в том числе с ЮНЕСКО. Цель TÜRKSOY – сделать единую тюркскую культуру известной всему миру. В связи с этим в Европе и США начали организовывать различные мероприятия, демонстрирующие общее культурное наследие. Среди традиционных мероприятий – празднование Навруза и памятные годы TÜRKSOY¹¹. Эта организация является одним из инструментов политики пантюркизма и в то же время одним из механизмов турецкой политики «мягкой силы».

Турецкие диаспоры как стратегический ресурс: Управление по делам тюрков за границей (YTB) и его деятельность

В период правления ПСР работа с турецкой диаспорой заметно активизировалась. В 2010 г. турецкое правительство создало «Президентство тюрков за рубежом и родственных сообществ» (Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı – YTB) – структуру с целью координации работы с диаспорой.

Турция отводит особое место «мягкой силе» и ее инструментам в своих внешнеполитических доктринах. Одним из них считается турецкая диаспора. YTB реализует образовательные и культурные программы с целью укрепления связей тюрков диаспоры с родиной. Образовательным программам придается большее значение, в частности, организуется обучение студентов из диаспоры в турецких вузах¹². В программах и деятельности данной организации большое место отведено преподаванию турецкого языка, в том числе как иностранного [26]. YTB также включает в свои программы тюркоязычные страны и общины, снова делая упор на культурные и образовательные программы¹³. В последние годы руководство Турции пытается сформировать механизмы сотрудничества с диаспорами тюркоязычных стран. На 2023 г. YTB упоминает сотрудничество с родственными сообществами среди своих стратегических целей¹⁴. Укрепление сотрудничества между диаспорами является частью тюркской интеграционной политики. В документе «Видение-2040» упоминается сотрудничество тюркских диаспор, в частности, в вопросах привлечения инвестиций, мобилизации академической диаспоры и обеспечения участия диаспор в проектах ОТГ¹⁵. Турецкая диаспора обладает огромным политическим и экономическим потенциалом, и в таких условиях сотрудничество с другими аналогичными сообществами

¹¹ TÜRKSOY Faaliyet Raporu: Eylül 2021 – Ekim 2022, İstanbul, 2022; TÜRKSOY Faaliyet Raporu: Kasım 2022 – Eylül 2023, İstanbul, 2023.

¹² Самым успешным проектом является «Стипендии Турции» (Türkiye Bursları), стартовавший в 2012 году при координации YTB. URL: <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/hakkimizda>.

¹³ Т.С. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. Faaliyet Raporu. 2019. S. 26–70. URL: https://ytbweb1.blob.core.windows.net/files/2020/2020Raporlar/2019%20FAAL%20YET%20RAPORU_WEB_-5e60b9bf7136e.pdf.

¹⁴ Т.С. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı. 2023 Yılı Performans Programı. S. 16–23. URL: <https://dkp.blob.core.windows.net/kurumsal-multimedia/2023%20Y%C4%B1%20Performans%20Program%C4%B1.pdf>.

¹⁵ Turkic World Vision – 2040. P. 15-16. URL: <https://turkicstates.org/assets/pdf/haberler/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf>.

увеличит возможности и потенциал Турции, а также расширит географию ее деятельности. Турецкая диаспора активна в Центральной Европе, а сотрудничество с диаспорами тюркоязычных стран (Азербайджана и стран Центральной Азии) позволит Турции активизировать свою деятельность в других странах, в частности в России.

Научно-образовательное направление. Международная тюркская академия как средство интеграции

Турция уделила много места научной и образовательной деятельности, открыв школы и университеты в тюркоязычных странах. Первые школы в постсоветских тюркоязычных странах были открыты движением «Хизмет», принадлежавшим Ф.Гюлену. Уже в конце 1990-х гг. Гюлен создал широкую образовательную сеть в тюркоязычных странах и тем самым обеспечил участие Турции в образовательной сфере этих государств. Наряду с открытием учебных заведений большое место уделялось преподаванию и распространению турецкого языка [12, р. 162]. Преподавание в «гюленовских» школах было организовано в основном на английском языке, а вторым языком был турецкий. Гуманитарные предметы в основном преподавали на турецком языке, и большое место отводилось истории, литературе и географии. Одной из целей образовательной политики Турции было вытеснение русского языка как основного языка из региона и замена его английским и турецким языками. Эти школы фактически воспитали первые постсоветские поколения, которые стали частью формирующейся политической и интеллектуальной элиты, занявшей прозападную и протурецкую позицию.

«Гюленовские» школы были носителями политики исламского возрождения и тюркизма, а также пропагандировали пантюркские идеи [12, р. 153]. Исламский фактор беспокоил лидеров центральноазиатских государств, что было связано с событиями, происходящими в Афганистане, и фактором радикального ислама. Кроме того, были и политические причины, как в случае с Узбекистаном, когда эти школы были закрыты по указу президента И.Карымова. После неудавшейся попытки военного переворота в Турции в 2016 г. президент Эрдоган потребовал от лидеров тюркоязычных стран закрыть «гюленовские» школы. В результате школы в основном прекратили свою деятельность (остались в Казахстане и Кыргызстане) или были взяты под контроль государства и претерпели изменения (например, в Таджикистане). «Гюленовские» школы были одним из инструментов внешней политики Турции и поддерживали ее государственную политику в регионе. Разумеется, Турция не намерена терять эти инструменты, а предпринимает шаги, чтобы вновь их использовать – взять под контроль определенные сферы государств. В этом отношении политика Турции заключается в замене школ Гюлена школами «Маарифа», причем не только в тюркоязычных странах [14]. В Центральной Азии в Кыргызстане в 2021 г. открылась первая школа фонда «Маариф». Ожидается, что количество таких школ в регионе будет увеличиваться. Следует отметить, что проект «Маарифа» преследует более важные цели: интернационализировать турецкое образование и поднять имидж Турции в этой области. Как «гюленовские», так и школы «Маарифа» являются одним из инструментов турецкой политики «мягкой силы».

Два университета были основаны по инициативе Турции: Международный Казахско-Турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави (открылся в 1993 г.) и Кыргызско-Турецкий университет «Манас» – в 1995 г.¹⁶. Турция реализует системную политику в сфере высшего образования. В 2012 г. был основан Союз тюркских университетов, который в настоящее время входит в состав ОТГ¹⁷. Целью Союза является реализация программ обмена студентами и преподавателями, взаимное признание действительности дипломов, организация совместных мероприятий, в частности, по общей истории, культуре, литературе и т.д. С одной стороны, Турция стремится сформировать интегрированную систему образования, с другой – добиться формирования общей идентичности посредством образования. По словам В.Надеин-Раевского, «анти-русская и антиевропейская элита из тысяч выпускников как лицеев, так и турецких университетов составила новую правящую верхушку, ориентированную на Турцию (и/или Запад) и не склонную к развитию и укреплению отношений с Россией» [7, с. 101].

Турция также уделяет большое внимание развитию тюркологии и преподаванию турецкого языка. В 2012 г. в Астане была основана Международная Тюркская академия для проведения тюркологических исследований. Основной целью Академии является развитие научного и образовательного сотрудничества между тюркоязычными странами. Согласно своим учредительным документам, данная организация обеспечивает различные аспекты исследования тюркского мира, включая историю, археологию, этнологию, антропологию, литературу, лингвистику, терминологию, искусство и социально-экономические вопросы. На официальном сайте Тюркской академии миссия сформулирована как «способствовать интеграции тюркского мира в науку и образовании»¹⁸.

С точки зрения интеграции Тюркская академия в настоящее время инициировала два важных проекта. Первый касается разработки учебников, и на данный момент опубликовано три учебника: «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература» и «География тюркского мира». Цель этой программы – «сформировать у молодого поколения представление об общности истории тюркских народов, укрепить языковое и культурное единство, а также способствовать развитию чувства общей идентичности и взаимного уважения в тюркском мире»¹⁹. Учебник «География тюркского мира» состоит из двух разделов: в первом разделе изложено формирование географической интеграции тюркских народов, а во второй части представлены географические особенности тюркского мира²⁰. Учебник «Общая тюркская история»

¹⁶ Турецкие частные университеты также открылись в Центральной Азии: Международный Туркмено-Турецкий университет, действовавший в 1994–2016 гг., Университет имени Сулеймана Демиреля, который открылся в 1996 г. в Алматы, и Международный университет Ала-тоо (открылся в 1996 г. в Бишкеке и принадлежит сообществу Гюлена).

¹⁷ Полный список вузов, входящих в Союз тюркских университетов, представлен на официальном сайте: Türk Üniversiteler Birliği. URL: <http://turkunib.org/tr/site/index>.

¹⁸ О Тюркской академии. URL: <https://turkicacademy.org/ru/about/ob-akademii>.

¹⁹ Учебники «Общая тюркская история», «Общая тюркская литература», «География тюркского мира». URL: <https://turkicacademy.org/ru/open-call/uchebniki-obshchaya-tyurkskaya-istoriya-obshchaya-tyurkskaya-literatura-geografiya-tyurkskogo-mira>.

²⁰ Türk Dünyası Coğrafyası. Ortaöğretim için. Astana, 2022.

включает семь разделов, где представлена история тюркских народов и государств с древнейших времен до XV в.²¹ Учебник «Общая тюркская литература» состоит из двух разделов. В первом разделе представлено общее литературное наследие тюрков, а во втором – тюркские национальные литературы, в том числе народов Кавказа, Средней Азии и субъектов Российской Федерации²². Цель этих учебников – сформировать единое самосознание с общими ценностями, традициями, героями и мышлением.

Вторая инициатива Тюркской академии – разработка единого алфавита, в связи с чем была создана Комиссия по единому алфавиту тюркского мира. Работа последнего координируется с Секретариатом ОТГ. По итогам заседания Комиссии, прошедшего в Баку 9–11 сентября 2024 г., было объявлено о принятии единого тюркского алфавита, состоящего из 34 букв и основанного на турецкой латинице²³.

Важным компонентом образовательной политики Турции является распространение турецкого языка. Преподаванием турецкого языка занимается ряд фондов и центров, но наиболее обширную деятельность осуществляет Институт Юнуса Эмре, который был основан в 2007 г. Институты Юнуса Эмре также являются инструментом турецкой политики «мягкой силы». В этом плане их деятельность в тюркоязычных странах имеет преимущество, обусловленное языковой общностью. Принятие единого алфавита и распространение турецкого языка являются важными факторами укрепления коммуникации между Турцией и тюркоязычными странами. Это станет основой интегрированной образовательной системы, формирующей единое языковое пространство.

Военно-политический аспект пантюркизма и контуры военно-политического сотрудничества тюркских государств

В научных и особенно аналитических дискуссиях определенное место отводится военно-политическому аспекту пантюркизма. Речь идет о так называемой идее «Великого Турана». В условиях интеграции или создания единой политической структуры военный компонент имеет ключевое значение. Это также важно в контексте достижения политического влияния. Поэтому Турция делала упор на военное и военно-техническое сотрудничество в отношениях с тюркоязычными странами.

С начала 1990-х гг. Турция начала данное сотрудничество с тюркоязычными странами по следующим направлениям: подготовка офицеров, материально-техническое обеспечение, продажа оружия, совместные учения и совместное военное производство. Среди тюркоязычных стран Турция наладила тесное военное взаимодействие с Азербайджаном. После поражения в первой Арцахской войне Азербайджан отказался от модели советской армии и начал перестраивать свои вооруженные силы по турецкой модели. Турецкие военные посетили Азербайджан, азербайджанские офицеры начали получать образование и подготовку в турецких военных учреждениях, были созданы совместные военные производства, а также Турция начала

21 Ortak Türk Tarihi, (En Eski Dönemlerden XV. Yüzyıla Kadar), Uluslararası Türk Akademisi, 2022.

22 Ortak Türk Edebiyatı. Ders kitabı. Astana, 2022.

23 Declaration on Common Turkic Alphabet. Baku, 11 September 2024. URL: <https://www.turkicacademy.org/en/novost-akademii/declaration-common-turkic-alphabet>.

поставлять в Азербайджан оружие и боеприпасы, в частности, беспилотники, которые широко применялись во время войны 2020 г. В последнее время между Турцией и Азербайджаном идут интеграционные процессы в военной сфере. Совместные учения и интенсивное взаимодействие между сторонами продолжают, поэтому используется лозунг «Одна нация, два государства, одна армия»²⁴. По сути, целью политики Турции является установление того уровня военно-политического сотрудничества с тюркоязычными странами, который существует на данный момент в турецко-азербайджанских отношениях.

Военно-техническое и военное сотрудничество Турции с тюркоязычными странами Центральной Азии носит ограниченный характер. Турция стала уделять больше внимания этим направлениям после 44-дневной войны и начала войны на Украине. В октябре 2020 г. министр обороны Турции Хулуси Акар совершил официальный визит в Центральную Азию, который имел большое значение. Визит завершился обсуждением ряда важных стратегических вопросов, таких как развитие двусторонних отношений в оборонной и военной сферах. В ходе визита Акара широко обсуждалось видение создания «Туранской армии», которая считалась своеобразной функцией НАТО в Центральной Азии [13, р. 334]. В условиях сложившейся военно-политической ситуации в Центральной Азии, особенно в контексте политики России, Китая и США, концепция «Туранской армии» вряд ли станет реальностью. С другой стороны, после этого визита действительно заметно укрепление двусторонних отношений.

Реальные военные связи с Казахстаном начали развиваться после заключения соглашения 2020 г., которое касалось совместных оборонно-промышленных проектов. Протокол о сотрудничестве в сфере разведки был подписан в 2022 г. [24]. До 2022 г. стороны договорились о расширенном стратегическом партнерстве. В настоящее время турецкие дроны производятся в Казахстане.

Турция пытается использовать вопросы безопасности, в частности, столкновения на кыргызско-таджикской границе, для углубления военного сотрудничества с Кыргызстаном. Кыргызстан закупил у Турции дроны («ТВ2 Байрактар», «Аксунгур», «Анка») и, по сути, получает материально-техническую и консультативную поддержку от Анкары.

В 2022 г. Узбекистан подписал с Турцией соглашение о сотрудничестве в сфере обороны, которое включает обмен разведанными, совместные проекты по обучению и логистике. В ноябре 2022 г. было объявлено о новом протоколе, включающем в повестку дня военное образование и оборонно-промышленное сотрудничество. Узбекистан также приобрел турецкие беспилотники.

После обретения независимости Туркменистан заявил о нейтралитете, поэтому с Турцией у него в основном развиваются экономические и культурные связи, а военные весьма ограничены. Однако в последнее время заметны определенные изменения. В 2020 г. между Турцией и Туркменистаном было заключено несколько сде-

24 Can Kasapoglu, Can Turkish Drones Bolster NATO's Eastern Flank Against Russia? Eurasia Daily Monitor Volume: 18 Issue: 100. URL: <https://jamestown.org/program/can-turkish-drones-bolster-natos-eastern-flank-against-russia/>.

лок, в результате чего туркменское правительство начало закупать турецкие беспилотники. Это может привести к будущим сделкам и более тесному сотрудничеству в учебной, военно-технической и других областях.

Таким образом, Турция пока не наладила серьезных отношений сотрудничества в военной и военно-технической областях в Центральной Азии. Это доказывает, что в ближайшем будущем она не сможет претендовать на то, чтобы стать частью системы безопасности всего данного региона, а значит, добиться военно-политического влияния. Данный вывод подтверждается и действиями ОТГ, интеграционные процессы под влиянием которого в основном организуются в культурном, языковом, образовательном и экономическом направлениях.

Роль Азербайджана как важнейшего стратегического партнера в тюркском мире

Азербайджану отведено особое место в пантюркских проектах Турции, что обусловлено его географическим положением: он является мостом между Турцией и Центральной Азией. С другой стороны, среди тюркоязычных стран Азербайджан отдавал больше места пантюркистским идеям. А.Эльчибей, второй президент Азербайджана, был известен своими пантюркистскими идеями и говорил о создании «Великого Азербайджана». Он стал уделять большое место идеям тюркского единства во внешнеполитическом курсе Азербайджана и ориентировался на Анкару [4, с. 96]. Во времена президентства Гейдара Алиева турецко-азербайджанские двусторонние отношения укрепились в различных областях, и была утверждена концепция «Одна нация, два государства». За время его правления между Турцией и Азербайджаном был подписан ряд соглашений: Договор о дружбе и развитии всестороннего сотрудничества, Протокол о взаимопомощи и сотрудничестве между двумя странами, Соглашение о сотрудничестве в научной, технической, культурной и экономической сферах, Соглашение о политических консультациях, Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций, а также Договор об углублении стратегического сотрудничества и ряд других. Укрепление отношений между двумя государствами было обусловлено наличием общих стратегических интересов. С другой стороны, идея общего врага, такого как Армения (в каком-то смысле – Россия), считалась важной, особенно в контексте поражения Азербайджана в первой Арцахской войне. В знак солидарности с Азербайджаном Турция закрыла армяно-турецкую границу в 1993 г., когда армянские войска взяли под контроль Карвачар / Кельбаджар, и поставила вопрос Нагорного Карабаха одним из предварительных условий урегулирования отношений с Арменией. После поражения в Арцахе Турция в основном поддерживала Азербайджан, в частности, в восстановлении вооруженных сил. С другой стороны, Азербайджан считался краеугольным камнем политики Турции на Южном Кавказе из-за его энергетических ресурсов и тюркского фактора.

Укрепление турецко-азербайджанских отношений продолжалось и во время правления Ильхама Алиева. В 2010 г. между Турцией и Азербайджаном было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве, согласно которому Турция должна была оказать военную помощь Азербайджану. Подписав такой документ, Баку полностью принял протурецкую ориентацию. Турецко-азербайджанское сотрудни-

чество получило особое значение во время 44-дневной войны, когда Турция оказала Азербайджану дипломатическую и военную поддержку. После войны президент Эрдоган принял участие в военном параде, организованном в Баку, выступил там с речью и процитировал стихотворение азербайджанского поэта Бахтияра Вагабзаде «Араз-Араз», поддерживающее идею объединения тюркских народов²⁵. Подписанной в июне 2021 г. Шушинской декларацией были установлены союзнические отношения между Турцией и Азербайджаном.

После 44-дневной войны Турция начала продвигать политику «тюркской интеграции», и в этом контексте изменилась роль Азербайджана. По мнению российского тюрколога В.Аваткова, «Турецкая Республика стремится оказывать влияние на Баку с целью его превращения в опорную точку подконтрольного Анкаре “тюркского мира”...» [1, с. 1]. С другой стороны, отношения между Азербайджаном и тюркоязычными странами Центральной Азии стали более активными, и заметно расширение сотрудничества. За последние два года Алиев посетил Центральную Азию 16 раз. Он участвовал в саммитах стран Центральной Азии. Были представлены проекты двустороннего сотрудничества со всеми странами региона, например, проекты бассейна Каспийского моря, «Север-Юг» и «Средний коридор»²⁶. Заметна активизация сотрудничества в военно-технической сфере, где азербайджанские военные участвуют в совместных военных учениях. Так, в июле 2024 г. Азербайджан провел совместные военные учения с государствами Центральной Азии²⁷.

Таким образом, укрепление отношений между Азербайджаном и тюркоязычными странами является одним из важных элементов тюркской интеграции. Но использование Турцией Азербайджана в качестве инструмента имеет определенные ограничения. У Азербайджана есть свои интересы, которые на каком-то этапе могут не совпасть с интересами Турции. Это может быть связано с внутренними и внешними факторами, например, со сменой правящей элиты в Азербайджане и политикой великих держав на Южном Кавказе.

Восприятие пантюркизма в разных регионах

Региональные и нерегиональные государства имеют разные взгляды на пантюркизм и программы «тюркской интеграции», реализуемые в настоящее время Турцией. Формирование политической единицы на военно-политической или этнолингвистической основе полностью изменит геополитику Евразии. Именно по этой причине пантюркизм воспринимается государствами региона как вызов их безопасности.

25 МИД Ирана вызвал посла Турции из-за прочитанного Эрдоганом стихотворения, 11.12.2020, РИА Новости, <https://ria.ru/20201211/iran-1588784508.html>.

26 Константин Прохоров, Азербайджан осваивает Центральную Азию // Вестник Кавказа. 26 августа 2024 г. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/azerbajdzan-osvaivaet-centralnuu-aziu.html>.

27 Страны Центральной Азии и Азербайджан проведут совместные военные учения // Avesta Information Agency. 8 июля, 2024 г. URL: <https://avesta.tj/2024/07/08/strany-tsentralnoj-azii-i-azerbajdzhan-provedut-sovmestnye-voennye-ucheniya/>.

Россия

Тюркоязычные народы на протяжении веков входили в состав Российского государства и подверглись российскому политическому и культурному влиянию. Идеи пантюркизма, превратившиеся в государственную доктрину в Османской империи, были направлены против царской России, поскольку целью было объединение тюркоязычных народов. С конца XIX в. Турция пыталась достичь влияния на Южном Кавказе и в Средней Азии, поэтому использовала пантюркизм в качестве идеологии. В настоящее время Турция также использует пантюркизм в качестве идеологии на постсоветском пространстве, особо подчеркивая общность с тюркоязычными народами. По этой причине для России пантюркистские проекты имеют стратегическое значение и рассматриваются в контексте угрозы национальной безопасности.

После распада СССР одной из политических целей Турции было достичь влияния на постсоветском пространстве, что реально может произойти за счет снижения российского влияния. Речь идет о Южном Кавказе и Центральной Азии, которые Россия считает зоной своих интересов. В этих регионах Турция сформировала ряд инструментов, в том числе в рамках политики «мягкой силы», целью которых является вытеснение российского влияния. На это направлена политика формирования тюркской идентичности, основанная на общем языке, истории, литературе и образовании. Кроме того, тюркские республики в составе Российской Федерации также являются объектами политики Турции. Турция пытается сформировать определенную идеологию в среде тюркских народов Российской Федерации и использует механизмы политики «мягкой силы» [2]. Фактически, с одной стороны, Россия пытается сохранить рычаги влияния на постсоветском пространстве, с другой стороны, ограничить действия Турции по отношению к своим субъектам.

Российско-турецкие отношения претерпели заметные изменения в период президентства В.Путина и Р.Т.Эрдогана. Особенно активно стали развиваться торгово-экономические отношения, и в двустороннем порядке увеличился товарооборот и объемы инвестиций. Однако Россия и Турция продолжают оставаться стратегическими противниками, особенно на постсоветском пространстве. В этом плане Турция является членом НАТО, и ее интересы в вопросах стратегии и безопасности больше совпадают с Западом, чем с Россией. С этой точки зрения, Россия рассматривает идеологию пантюркизма и присутствие Турции на постсоветском пространстве как угрозу. Растущее присутствие Анкары в тюркоязычных странах может быть использовано Западом для осуществления фундаментального вмешательства в российские сферы влияния.

Запад

Запад не выразил открытой позиции в отношении пантюркизма или тюркской интеграции. После распада СССР Запад начал поддерживать Турцию, особенно когда она представила тюркоязычным странам «турецкую модель». В 1990-е гг. Турция позиционировала себя как посредник между тюркоязычными странами и Западом, но со второго периода правления ПСР она в основном выработала собственную стратегию.

В настоящее время ЕС и США активны в Центральной Азии и на Южном Кавказе, пытаясь усилить свое влияние в этих регионах. Конкуренция России и Запада на постсоветском пространстве продолжается, и растущая конкуренция Китая и Запада может проявиться и здесь, особенно в Центральной Азии. Хотя Турция в последние годы пытается проводить более независимую от Запада политику, она остается членом НАТО и не может полностью игнорировать позиции партнеров. В таких условиях программы пантюркизма или тюркской интеграции могут рассматриваться как стратегический ресурс в контексте геополитической конкуренции между Западом и Россией, с одной стороны, и Западом и Китаем – с другой. Следует отметить, что Иран также обеспокоен такой политикой Запада.

Южный Кавказ

Южный Кавказ занимает особое место в пантюркских планах Турции, поскольку является дорогой в Центральную Азию. Идеология пантюркизма Арменией и Грузией рассматривается с позиции безопасности, а Азербайджан воспринимает ее как возможность.

С начала XX в. Армения рассматривала пантюркизм как угрозу своей национальной безопасности. Обеспокоенность Армении по поводу этой идеологии вновь возобновилась после 44-дневной войны, когда Турция и Азербайджан заговорили о так называемом «Зангезурском коридоре» и «тюркском мире» и продемонстрировали открытые амбиции в отношении Сюникской области. Турция в основном упоминает экономические возможности «коридора» [19, р. 18]. Однако Армения рассматривает это прежде всего в контексте стратегических проектов, таких как пантюркизм или тюркская интеграция. Так называемый «Зангезурский коридор» является кратчайшим сухопутным маршрутом, соединяющим Нахичевань с Азербайджаном и фактически объединяющим Турцию с тюркоязычными странами. С одной стороны, это усилит позиции Турции и особенно ОТГ, с другой стороны, уменьшит зависимость от Ирана и ограничит его возможности [16, р. 46–64]. Армения рассматривает эти программы как угрозу с точки зрения территориальной целостности и национальной безопасности.

Хотя между Грузией и Турцией установлены тесные экономические и военно-технические связи, однако планы пантюркизма касаются и Грузии. Батуми имеет особенное место в пантюркистских программах. Следует отметить, что в этот город вложены огромные турецкие инвестиции, кроме того, в Грузии, особенно в Аджарии, действуют турецкие инструменты «мягкой силы». В октябре 2016 г. в Ризе, который находится в 100 милях от границы с Грузией, Эрдоган в своей речи отметил: «Наши физические границы отличаются от границ нашего сердца», и в качестве примера он спросил: «Возможно ли отделить Ризе от Батуми?»²⁸. Последнее выражение вызвало в Грузии большие дискуссии и опасения. В этой связи грузинское общество вновь обеспокоило пантюркские идеи, а власти выразили недовольство и рассматривали эти заявления в контексте национальной безопасности.

²⁸ Kucera J. Georgians Wary of Turkey's Rising Influence in Batumi // Eurasianet, Mar 9, 2017. URL: <https://eurasianet.org/georgians-wary-of-turkeys-rising-influence-in-batumi>.

Центральная Азия

Четыре из пяти государств Центральной Азии являются тюркоязычными: Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан, – следовательно, они являются основными объектами пантюркистской политики Турции. Среди внешнеполитических приоритетов Турции центральноазиатское направление не имеет первостепенного значения, что обусловлено двумя основными причинами: политики крупных держав и ограниченность ресурсов Турции. Однако Центральная Азия имеет стратегическое значение для Турции, претендующей на статус сверхдержавы, поскольку единый тюркоязычный мир увеличит ее вес в международной политике.

В результате политики Турции в тюркоязычных странах сформировались протурецкие элиты, целью которых является ориентация в сторону Турции. Эти группы рассматривают Турцию как альтернативу, особенно в отношении баланса политики России и Китая. С другой стороны, среди правящих элит заметна определенная осторожность, что обусловлено текущей политической ситуацией в Турции, в частности, экономическим кризисом, курдской проблемой, угрозой терроризма, столкновением светских и исламских ценностей и т.д. Следует отметить, что для государств Центральной Азии соблюдение светских принципов является основой государственной политики, а усиление позиций ислама в Турции будет играть ограничивающую роль в двусторонних отношениях [5, с. 29–42]. Государства Центральной Азии в основе своей государственной политики ставят вопросы безопасности на первое место, особенно с учетом угроз со стороны Афганистана. В этом плане главным гарантом безопасности региона продолжает оставаться Россия, а Турция пока не предприняла каких-либо существенных шагов в этой сфере. Экономическое и военно-политическое присутствие Турции в регионе не создало для нее возможности выступить в качестве альтернативного игрока. Страны Центральной Азии входят в структуры, созданные Турцией, проявляют определенную активность в сотрудничестве в различных форматах, но эти отношения пока не носят стратегического характера. Политика Турции, идеи общности культуры, идентичности и общей судьбы до сих пор не являются доминирующими в отношениях Турции и государств Центральной Азии, но следует отметить, что они занимают важное место. Фактически при «тюркской интеграции» Турция руководствуется собственными стратегическими интересами, поэтому турецкое руководство будет действовать не в интересах «тюркского мира», а в интересах Анкары.

Иран

Иран рассматривает политику Турции на Южном Кавказе и в Центральной Азии сквозь призму пантюркизма, поэтому считает вопросы безопасности и территориальной целостности фундаментальными. Опасения по поводу пантюркизма связаны с тюркоязычным населением, проживающим в Иране. В начале 1990-х гг., с подъемом пантюркских идей в Турции, в Азербайджане стали звучать ирредентистские требования с призывами к созданию «Единого Азербайджана» [12, р. 52–53]. При Гейдаре Алиеве откровенно антииранская риторика изменилась, но амбиции в отношении северных территорий Ирана остались [30].

Интересы Ирана и Турции сталкиваются на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Одной из стратегических целей Ирана на Южном Кавказе является недопущение усиления позиций Турции, однако в результате войны 2020 г. статус-кво изменился в пользу Турции. Для Турции принципиально не допустить усиления позиций Ирана в Центральной Азии, в частности, не допустить распространения шиитских ценностей в регионе.

После 44-дневной войны в Иране снова выразили опасения по поводу пантюркизма. Победа Азербайджана в войне укрепила позиции Турции в регионе, поэтому фактор тюркоязычного населения может быть использован в будущем как Турцией, так и Западом. Разговоры об интеграции «тюркского мира» и «тюркской интеграции» усилили беспокойство Тегерана, и все это было воспринято как реальная угроза в контексте дискуссий о так называемом «Зангезурском коридоре». Иран объявил защиту и безопасность армяно-иранской границы своей «красной линией» и рассматривал ее как ключевой аспект национальной безопасности²⁹. Иран охарактеризовал эту политику Турции как «проект Турана».

Китай

Обеспокоенность Китая пантюркистскими проектами обусловлена существованием Синьцзян-Уйгурского автономного района (бывший Восточный Туркестан). Тюркское, мусульманское население Китая граничит с Центральной Азией, поэтому подчеркивается роль тюркского фактора. Распространение пантюркизма и ислама среди тюркоязычного населения, проживающего в Китае, считается вопросом национальной безопасности. Уйгурский вопрос несколько раз вызывал политическую напряженность между Турцией и Китаем. Турецкое руководство часто критиковало китайские власти за их политику в отношении уйгуров. В октябре 2021 г. Турция вместе с сорока двумя другими странами призвала правительство Китая уважать права уйгурской общины в Синьцзяне и обеспечивать соблюдение верховенства закона³⁰. По сути, в ответ на создание ОТГ и действия Турции президент Китая Си Цзиньпин созывает в январе 2022 г. саммит с лидерами Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана для укрепления экономических отношений в контексте инициативы «Один пояс – один путь» и развития культурного сотрудничества³¹.

И Россия, и Китай видят в ОТГ определенные опасности. У китайской стороны есть опасения, что организация будет проводить политику пантюркизма и это также будет направлено против Китая. Беспокойство Китая также связано с Центральной Азией, где деятельность ОТГ может привести к нестабильности.

²⁹ “Internationally recognized borders are our red line”, says Iranian foreign minister // Civilnet. 26 May 2021. URL: <https://www.civilnet.am/en/news/609077/internationally-recognized-borders-are-our-red-line-says-iranian-foreign-minister/>.

³⁰ 43 countries including Turkey call on China to respect Uyghur rights // Daily Sabah, Oct 22, 2021. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/43-countries-including-turkey-call-on-china-to-respect-uyghur-rights>.

³¹ Kumenov A. China promises more investment at Central Asia summit // Eurasianet, Jan 26, 2022. URL: <https://eurasianet.org/china-promises-more-investment-at-central-asia-summit>.

Выводы

Одной из основных целей политики Турции является институционализация инструментов пантюркизма, которые практически продвигают интеграционную политику. В настоящее время Турция делает упор на лингвистическую, культурную и экономическую интеграцию, но ее цель – политическая интеграция с включением военного компонента.

В процессах «тюркской интеграции» после 44-дневной войны была отведена важная роль Азербайджану, связывающему Турцию и тюркоязычные страны. Азербайджан представляет жизнеспособность концепции «Одна нация, два государства», показывая государствам Центральной Азии, что Турция также может защитить их интересы.

Политика пантюркизма, или «тюркской интеграции», рассматривается региональными и нерегиональными государствами. Армения, Иран, Россия и Китай рассматривают это в контексте своей безопасности. Для Запада она может быть использована как стратегический ресурс в контексте борьбы с Россией, Ираном и Китаем. Тюркоязычные государства Центральной Азии рассматривают эту программу скорее в контексте отношений с Турцией, и хотя в последнее время заметна активизация экономических, языковых и военно-технических связей, однако они не обсуждаются на стратегическом уровне.

Список источников

1. Аватков В. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? [Turkey and Azerbaijan: One Nation – One State?] // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 2. С. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>.
2. Аватков В., Бадранов А. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России [«Soft power» of Turkey in the domestic policy of Russia] // Право и управление. XXI век. 2013. № 2(27). С. 5–10.
3. Алиева А.И. Специфика современных подходов Турецкой Республики к оказанию помощи зарубежным государствам [The specifics of the modern approaches of the Turkish Republic to providing assistance to foreign countries] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 1. С. 56–92.
4. Гаджиев К.С. Отношения Ирана и Турции с государствами Южного Кавказа [Relations of Iran and Turkey with the States of the South Caucasus] // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 2. С. 94–106.
5. Грозин А. Политика Турции в постсоветской Азии: подходы, институты, перспективы [Turkey's Politics in the Post-Soviet Asia: Approaches, Institutions, Prospects] // Постсоветский материк. 2021. № 2(30). С. 25–48. https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_25.
6. Енюкян В.А. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002–2022 гг. [The Importance of “Soft Power” in Turkey's Foreign Policy in 2002–2022] // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 4. С. 609–619.
7. Надеин-Раевский В. История пантюркизма и его современные сторонники. Часть 2. Новый этап пантюркистских надежд [History of Pan-Turkism and its Modern Supporters. Part 2. New Stage of Pan-Turkist Hopes] // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 2. С. 94–108.
8. Уразова Е.И. Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА): Новые задачи, Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г. [Turkish Cooperation and Development Agency (TIKA): New Tasks. Turkey on the Eve and After the Parliamentary and Presidential Elections of 2007]. М., 2008. 260 с.
9. Akçura Y. Üç Tarz-I Siyaset, Türk Tarih Kurumu Basımevi (Три стиля политики, Типография Турецкого исторического общества) [Three Styles-I Politics, Turkish Historical Society]. Ankara, 1976 [In Turkish].

10. Akçura Y. Yeni Türk Devletinin Öncüleri: 1928 yılı yazıları (Пионеры нового турецкого государства: сочинения 1928 г.) [Pioneers of the New Turkish State: Writings of 1928]. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1981 [In Turkish].
11. Akilli E., Çelenk B. TİKA's Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy // Insight Turkey. 2019. Vol. 21. No. 3. <https://doi.org/10.25253/99.2018EV.05>.
12. Balci B. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam // Religion, State & Society. 2003. No. 31(2). P. 151–177.
13. Biró D. The Turan Army. Opportunities for a new military cooperation led by Turkey. Nuova Antologia Militare // Gruppo Editoriale Tab. 2021. № 8(2). P. 333–359. <https://doi.org/10.36158/978889295289811>.
14. Çelik M. Flexibility and Advantages of Turkish Maarif Foundation in Global Education Market due to its Hybrid Structure // Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi. 2023. No. 13(1). P. 127–150.
15. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu (Стратегическая глубина: международное положение Турции) [Strategic Depth: Turkey's International Position]. Ankara: Küre Yayınları, 2001. 584 s. [In Turkish].
16. Demir C. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power // Güvenlik Stratejileri Dergisi. 2022: 39–71. <https://doi.org/10.17752/guvenlikstrjt.1104776>.
17. Djalili M–R. Iran and the Caucasus: Maintaining Some Pragmatism // Connections: The Quarterly Journal. 2002. No. 3. P. 49–58.
18. Durdular E. Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries (TurkPA): Beyond Parliamentary Diplomacy // Perceptions. 2017. Vol. XXII. No 1. P. 115–142.
19. Fidan H. Turkish Foreign Policy at the Turn of the ‘Century of Türkiye’: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation // Insight Turkey. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 11–25.
20. Fidan H., Nurdun R. Turkey's Role in the Global Development Assistance Community: the Case of TİKA (Turkish International Cooperation and Development Agency) // Journal of Southern Europe and the Balkans. 2008. Vol. 10. No. 1. P. 93–111.
21. Gökalp Z. Türkçülüğün Esasları (Основы тюркизма) [Fundamentals of Turkism]. Istanbul: Varlık Yayınevi, 1968 [In Turkish].
22. Landau M. Jacob, Pan-Turkism in Turkey: A Study of Irredentism. London: C. Hurts & Company, 1981.
23. Minasyan N. Turkish Initiatives in the Direction of Turkic Integration: Prerequisites and Tendencies // Contemporary Eurasia: International Journal of Eurasian Geopolitics. 2022. Vol. XI. No. 2. P. 22–39. <https://doi.org/10.52837/2579-2970-2022.11.2-22>.
24. Outzen R. Security and Military Cooperation Among the Turkic States in the 2020s. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2023. P. 1–10.
25. Özkan G., Demirtepe M.T. Transformation of a Development Aid Agency: TİKA in a Changing Domestic and International Setting // Turkish Studies. 2012. No. 13(4). P. 647–664. <https://doi.org/10.1080/14683849.2012.746442>.
26. Şahin M.M. Activities of the presidency for Turks Abroad and Related Communities within the scope of Turkish language teaching // Turkophone. 2022. No. 9(3). P. 97–110. <https://dx.doi.org/10.55246/turkophone.1130650>.
27. Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı Faaliyet Raporu (Годовой отчет Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию) [Turkish Cooperation and Development Agency. Activity report]. Ankara: TİKA Yayınları, 2024 [In Turkish].
28. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı 2024–2028 Stratejik Planı (Стратегический план Турецкого агентства по сотрудничеству и координации на 2024–2028 гг.) [Turkish Cooperation and Development Agency. Activity report]. Ankara: TİKA Yayınları, 2024 [In Turkish].
29. Uzer U. An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Nationalism. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2016.
30. Zarifian J. Iran and Its Two Neighbours Armenia and Azerbaijan: Resuming Relationship Under America's Suspicious Eyes // Iran and the Caucasus. 2009. No. 13. P. 383–400. <http://doi.org/10.1163/157338410X12625876281541>.

Информация об авторе

МИНАСЯН Нелли Арташесовна. Кандидат исторических наук. Доцент. Научный сотрудник отдела стратегических исследований отношений сопредельных с Арменией государств и стран ближнего зарубежья Института арменоведческих исследований ЕГУ. <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>. Адрес: Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1. n.minasyan@ysu.am

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 ноября 2024 г. Одобрена после рецензирования: 25 января 2025 г. Принята к публикации: 30 января 2025 г. Опубликована: 5 марта 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Avatkov V. Turkey and Azerbaijan: One Nation – One State? *Mirovaya-Jekonomika-i-Mezhdunarodnye-Otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2022; 66(2):90–100 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100>.
2. Avatkov V., Badranov A. “Soft power” of Turkey in the domestic policy of Russia. *Pravo-i-Upravlenie. XXI Vek* [Law and Management. XXI century]. 2013; 2(27):5–10 [In Russian].
3. Alieva A.I. The specifics of the modern approaches of the Turkish Republic to providing assistance to foreign countries. *Vestnik Moskovskogo-Universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye-Otnosheniya-i-Mirovaya-Politika* [Bullitin of Moscow. University. Ser. 25: International Relations and World Politics]. 2017; 1:56–92 [In Russian].
4. Gadzhiev K.S. Relations of Iran and Turkey with the States of the South Caucasus. *Rossiya i Novye Gosudarstva Evrasii* [Russia and the New States of Eurasia]. 2020; 2:94–106 [In Russian].
5. Grozin A. Turkey’s Politics in the Post-Soviet Asia: Approaches, Institutions, Prospects. *Post-Sovetskiy-Materik* [Post-Soviet Continent]. 2021; 2(30):25–48 [In Russian]. https://doi.org/10.12345/2311-6412_2021_2_25.
6. Enokyan V.A. The Importance of “Soft Power” in Turkey’s Foreign Policy in 2002–2022. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye Otnosheniya* [RUDN Bulletin. Series: International Relations]. 2023; 23(4):609–619 [In Russian].
7. Nadein-Raevsky V. History of Pan-Turkism and its Modern Supporters. Part 2. New Stage of Pan-Turkist Hopes. *Perspektivy* [Prospects]. *Electronic Journal*. 2022; 2:94–108 [In Russian].
8. Urazova E.I. Turkish Cooperation and Development Agency (TIKA): New Tasks. Turkey on the Eve and After the Parliamentary and Presidential Elections of 2007. Moscow, 2008:260 [In Russian].
9. Akcura Y. Three Styles-I Politics, Turkish Historical Society. Ankara, 1976 [In Turkish].
10. Akcura Y. Pioneers of the New Turkish State: Writings of 1928. Ankara: Kültür Bakanlığı [Ministry of Culture], 1981 [In Turkish].
11. Akilli E., Celenk B. TIKA’s Soft Power: Nation Branding in Turkish Foreign Policy. *Insight Turkey*. 2019; 21(3) [In English]. <https://doi.org/10.25253/99.2018EV.05>.
12. Balci B. Fethullah Gulen’s Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam. *Religion, State & Society*. 2003; 31(2):151–177 [In English].
13. Biro D. The Turan Army. Opportunities for a new Military Cooperation Led by Turkey. *Nuova Antologia Militare. Gruppo Editoriale Tab*. 2021; 8(2):333–359 [In English]. <https://doi.org/10.36158/978889295289811>.
14. Celik M. Flexibility and Advantages of Turkish Maarif Foundation in Global Education Market due to its Hybrid Structure. *Adam Akademi Sosyal Bilimler Dergisi* [Adam Academy Journal of Social Sciences]. 2023; 13(1):127–150 [In English].
15. Davutoglu A. Strategic Depth: Turkey’s International Position. Ankara: Küre Yayınları [Kure Publications], 2001:584 [In Turkish].
16. Demir C. The Organization of Turkic States: Implications for the Regional Balance of Power. *Güvenlik Stratejileri Dergisi* [Journal of Security Strategies]. 2022:39–71 [In English]. <https://doi.org/10.17752/guvenlikstrjtj.1104776>.

17. Djalili M–R. Iran and the Caucasus: Maintaining Some Pragmatism. *Connections: The Quarterly Journal*. 2002; 3:49–58 [In English].
18. Durdular E. Parliamentary Assembly of Turkic-Speaking Countries (TurkPA): Beyond Parliamentary Diplomacy. *Perceptions*. 2017; XXII(1):115–142 [In English].
19. Fidan H. Turkish Foreign Policy at the Turn of the ‘Century of Türkiye’: Challenges, Vision, Objectives, and Transformation. *Insight Turkey*. 2023; 25(3):11–25 [In English].
20. Fidan H., Nurdun R. Turkey’s Role in the Global Development Assistance Community: the Case of TİKA (Turkish International Cooperation and Development Agency). *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2008; 10(1):93–111 [In English].
21. Gokalp Z. *Fundamentals of Turkism*. Istanbul, Varlık Yayınevi [Varlic Publishing House], 1968 [In Turkish].
22. Landau M- Jacob, *Pan-Turkism in Turkey: A Study of Irredentism*. London: C. Hurts & Company, 1981 [In English].
23. Minasyan N. Turkish Initiatives in the Direction of Turkic Integration: Prerequisites and Tendencies. *Contemporary Eurasia: International Journal of Eurasian Geopolitics*. 2022; XI(2):22–39 [In English]. <https://doi.org/10.52837/2579-2970-2022.11.2-22>.
24. Outzen R. Security and Military Cooperation among the Turkic States in the 2020s. *Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program*, 2023:1–10 [In English].
25. Ozkan G., Demirtepe M.T. Transformation of a Development Aid Agency: TİKA in a Changing Domestic and International Setting. *Turkish Studies*. 2012; 13(4):647–664 [In English]. <https://doi.org/10.1080/14683849.2012.746442>.
26. Sahin M.M. Activities of the Presidency for Turks Abroad and Related Communities within the Scope of Turkish language Teaching. *Turkophone*. 2022; 9(3):97–110 [In English]. <https://dx.doi.org/10.55246/turkophone.1130650>.
27. Turkish Cooperation and Development Agency. Activity report. Ankara: TİKA Yayınları [TIKA Publications], 2024 [In Turkish].
28. Turkish Cooperation and Development Agency 2024–2028 Strategik Plan. Ankara: TİKA Yayınları [TIKA Publications], 2024 [In Turkish].
29. Uzer U. *An Intellectual History of Turkish Nationalism: Between Turkish Ethnicity and Islamic Nationalism*. Salt Lake City: The University of Utah Press, 2016 [In English].
30. Zarifian J. Iran and Its Two Neighbours Armenia and Azerbaijan: Resuming Relationship Under America’s Suspicious Eyes. *Iran and the Caucasus*. 2009; 13:383–400 [In English]. <http://doi.org/10.1163/157338410X12625876281541>.

About the authors

Nelli A. MINASYAN. CandSc. (Hist.). Associate Professor. Researcher at the Department of Strategic Studies of Relations between neighboring states and Neighboring Countries of the Institute of Armenian Studies of YSU. <https://orcid.org/0000-0002-1372-111X>. Address: 1, Alek Manukyan str., Yerevan, 0025, The Republic of Armenia. n.minasyan@ysu.am

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 12, 2024. Approved after review: January 25, 2025. Accepted for publication: 30 January 30, 2025. Published: March 5, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.